

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ ДИСКРЕЦИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

Пилукова София Игоревна

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» (Краснодар)
sofiaigororevna@yandex.ru

ALGORITHMIC DISCRETION OF PUBLIC AUTHORITIES AND JUDICIAL REVIEW

S. Pilyukova

Summary. The article examines the transformation of public discretion in the context of the algorithmizing of public administration and substantiates the need for its specific normative definition as an independent object of legal regulation. It is demonstrated that the relocation of discretionary decision-making to the level of programming and data processing necessitates risk-based limitations on algorithmic autonomy, as well as the establishment of requirements for transparency, reasoned justification, and mandatory human review. Drawing on domestic and foreign doctrinal approaches, the paper identifies pathways for institutionalizing a standard of judicial review focused on assessing the permissibility of delegating discretion to digital systems and ensuring the procedural contestability of their outcomes. A model of comprehensive judicial control is proposed, integrating legal, evidentiary, and technological elements and aimed at safeguarding the primacy of human rights and the rule of law within the digital environment of public governance.

Keywords: algorithmic discretion, public administration, judicial review, automated decision-making, risk-based regulation.

Аннотация. В статье исследуется трансформация публичного усмотрения в условиях алгоритмизации государственного управления и обосновывается необходимость его специального нормативного описания как самостоятельного объекта правового регулирования. Показано, что перенос дискреционных решений на уровень программирования и обработки данных требует риск-ориентированного ограничения автономии алгоритмов, закрепления требований прозрачности, мотивированности и обязательного человеческого пересмотра. На основе анализа отечественных и зарубежных доктринальных позиций раскрываются подходы к институционализации стандарта судебной проверки, ориентированного на оценку допустимости делегирования усмотрения цифровым системам и обеспечение процессуальной оспоримости их результатов. Обосновывается модель комплексного судебного контроля, сочетающего правовые, доказательственные и технологические элементы и направленного на сохранение приоритета прав человека и верховенства права в цифровой среде публичного управления.

Ключевые слова: алгоритмическая дискреция, публичное управление, судебный контроль, автоматизированное принятие решений, риск-ориентированное регулирование.

Цифровизация публичного управления означает не только техническое обновление административных процедур, но и изменение самой природы публичного усмотрения, когда юридически значимый выбор формируется на пересечении правовой нормы, массива данных и программных решений. В этих условиях алгоритмическая дискреция органов публичной власти требует пересмотра критериев допустимости и установления четких пределов, а судебный контроль — выработки стандарта проверки, сочетающего требования законности, процессуальной справедливости, объяснимости и реальной оспоримости решений, принятых с использованием алгоритмов.

Нормативно-правовое регулирование алгоритмической дискреции и судебного контроля в РФ

Алгоритмическая дискреция в современной России представляет собой новую форму реализации публичной компетенции, при которой программные средства начинают оказывать непосредственное влияние на со-

держание юридически значимого решения. Развитие автоматизированных систем трансформировало правовую природу усмотрения: если ранее цифровые инструменты носили вспомогательный характер, то сегодня возможны режимы автономного принятия и исполнения решений без непосредственного участия должностного лица, включая акты с правовыми последствиями. Это требует специального нормативного определения алгоритмической дискреции как самостоятельного объекта регулирования.

Пределы ее допустимости целесообразно формировать на основе риск-ориентированного подхода и разграничения сфер применения — от частичной автоматизации стандартных процедур до запрета полной автоматизации в чувствительных сегментах публичного управления. Гарантии должны включать антидискриминационные требования, ограничения профилирования, право на судебное обжалование и учет приоритета человека как высшей конституционной ценности [1, с. 215, 216].

Для публичных правоотношений принципиально значим вопрос не только о возможности делегирования части усмотрения алгоритму, но и об обеспечении правовой пригодности такого делегирования при изменчивости данных, эффекте выборки и проблеме репрезентативности, поскольку технические параметры способны повлиять на законность административного акта. Пределы автономии алгоритма должны устанавливаться с учетом отраслевой специфики, применения тестовых режимов, использования гипотетических сценариев и обязательного участия человека в процедуре проверки. Международные примеры SyRI (нидерландская система выявления рисков социального мошенничества), польской модели категоризации безработных и практики штата Мичиган демонстрируют, что формальный контроль без реальной подотчетности не обеспечивает надлежащих гарантий [2, с. 31, 32].

Алгоритмическая дискреция становится объектом правового регулирования вследствие того, что внедрение автоматизированных систем меняет традиционную модель взаимодействия власти и адресата решения: появляется технологический посредник, способный ослаблять проверяемость и распределение ответственности. В этой связи нормативное закрепление гарантий должно основываться на требованиях прозрачности и объяснимости как обязательном элементе законности публичного решения. Как отмечают П. Кабытова и Н. Назарова: «Исходной точкой преодоления всего многообразия последствий внедрения автоматизированных систем в деятельность органов власти, включая их использование при принятии юридически значимых решений, выступает разрешение проблемы прозрачности и объяснимости» [3, с. 32, 33].

Уязвимость алгоритмизированных актов обусловлена сочетанием их эффективности и масштабируемости с закрытостью внутреннего механизма формирования вывода, что при отсутствии права на разъяснение и пересмотр затрагивает не только частные интересы, но и основы верховенства права и достоинства личности. Перспективной гарантией выступает не требование абсолютной открытости, а юридически выверенное сочетание права на разъяснение, человеческого вмешательства, состязательного оспаривания и альтернативных объяснений, позволяющих адресату установить обстоятельства, повлиявшие на результат [4, с. 50, 52].

В российской модели регулирования алгоритмической дискреции предметом правовой регламентации должны быть источники допустимости — закон, подзаконные процедуры, цифровые регламенты; пределы автономии — уровень риска и значимость последствий; а также гарантии защиты — прозрачность, интерпретируемость, человеческий пересмотр и судебный контроль. В противном случае цифровизация управления

может усилить скрытую произвольность вместо укрепления правовой определенности.

Судебный контроль решений, принятых с использованием алгоритмов, должен строиться как юридически структурированная проверка законности, обоснованности, пропорциональности и процессуальной справедливости, а не как техническая экспертиза программного продукта.

В условиях алгоритмизации центральной проблемой становится ситуация, при которой формальным субъектом акта остается орган власти, тогда как основания вывода недоступны адресату и нередко самому правоприменителю, что снижает эффективность судебной защиты. Стандарт проверки должен включать не только традиционный анализ соответствия закону, но и оценку объяснимости, проверяемости и оспоримости алгоритмической составляющей, поскольку без установления причин решения состязательность утрачивает содержание, а право на защиту становится формальным [5, с. 101, 102].

В административном процессе данная модель приобретает особое значение, учитывая активную роль суда по ст. 14 КАС РФ, предполагающую содействие установлению фактических обстоятельств и контроль корректности использования алгоритмических инструментов. Допустимо лишь вспомогательное применение алгоритмов для обработки данных и анализа практики, тогда как окончательное правовое убеждение должно формироваться судьей. «Международные стандарты, в частности Этическая хартия по применению ИИ в судебных системах, принятая СЕПЕJ (Совет Европы) в 2018 году, прямо указывают, что решения, принимаемые с помощью алгоритмов, должны оставаться под контролем человека и подлежать судебному пересмотру» [6, с. 191, 192].

С процессуальной позиции необходимо разграничить стадии, на которых ИИ способен повышать эффективность — прием и первичная обработка документов, анализ электронных доказательств, аналитическая поддержка, — и стадии, где он не вправе подменять судебное усмотрение, связанное с оценкой доказательств, толкованием оценочных норм и выбором способа защиты. Стандарт проверки алгоритмически опосредованного решения должен быть ориентирован на результативность судебной защиты: суду следует оценивать, обеспечивает ли применяемая система полностью исследование обстоятельств и возможность восполнения доказательств, а также предотвращает ли затягивание восстановления нарушенного права [7, с. 49, 50].

Перспективные процессуальные инструменты включают обязательную содержательную проверку судьей автоматически сформированных текстов, возможность истребования дополнительных доказательств вопреки

цифровому выводу и отказ от моделей применения ИИ, фактически навязывающих вариант решения. В делах, где алгоритм влияет на исход спора, обоснованно введение специальных требований к надежности и безопасности систем, включая сертификацию, контроль актуальности данных и учет рисков дискриминации, поскольку иначе повышение эффективности будет достигаться в ущерб независимости суда и доверию к правосудию [8, с. 137–139].

Судебный контроль в рассматриваемой сфере должен развиваться как комплексный стандарт — правовой, доказательственный и технологический, при котором процессуальные механизмы обеспечивают приоритет права над цифровой инфраструктурой принятия решений.

Доктринальные подходы к алгоритмической дискреции и судебному контролю (позиции учёных-юристов)

Алгоритмизация публичного управления не устраняет административное усмотрение, а перераспределяет его по новым уровням принятия решений — от конкретного должностного лица к параметрам данных, интерфейсам и правилам функционирования цифровых систем.

В доктринально значимом аспекте цифровая трансформация затрагивает не только техническую сторону административной деятельности, но и фигуру носителя дискреции: от уличного и экранного бюрократа к системному уровню, где свобода выбора переносится в сферу проектирования алгоритмов и процедур. Отсюда следует вывод о методологической некорректности спора о сокращении либо расширении усмотрения без учета того, что в ряде случаев оно реализуется не на стадии подписания акта, а при переводе административно-правовых предписаний в машиночитаемую форму — код, метаданные, деревья решений [9, с. 202, 204].

А.В. Мартынов, исследуя подготовку административных актов с использованием ИИ, показывает, что внедрение подобных технологий становится объективной реакцией на рост объемов данных, ускорение управленческих циклов и запрос на результативность. Одновременно фиксируются пределы этой тенденции — технологические, кадровые, нормативные и рисковые, включая непрозрачность, модельные ошибки, зависимость от качества данных и дефицит доверия. Следовательно, программный элемент дискреции не может рассматриваться как полноценная замена правоприменителя без специальных гарантий проверки и ответственности [10, с. 134, 137, 138].

Эмпирическое подтверждение смещения усмотрения представлено в работах Д. Серебренникова, Е. Ход-

жаевой и О. Шепелевой, анализирующих приложение «Социальный мониторинг» как алгоритм низового уровня. При формальном сохранении человеческого решения фактическое основание санкционирования в отдельных ситуациях определялось автоматизированной системой, а пространство выбора исполнителей сужалось или перенастраивалось. Вывод о переходе от *hard-enforcement* (жесткое принудительное применение с немедленным санкционированием) к *soft-enforcement* (мягкие регуляторные механизмы, основанные на предупреждении и превентивном воздействии) имеет принципиальное значение, поскольку демонстрирует, что в условиях алгоритмизации существенным становится не только текст нормы, но и способ настройки социотехнической системы, включая режим предупреждения, репрессии, подталкивания и обратной связи [11, с. 10, 20, 21]. В результате дискреция перемещается в сферу проектирования режима исполнения.

Административное усмотрение сохраняет правовую природу при любой вариативности форм, поэтому его цифровая модификация не должна превращаться в автономию, оторванную от права. Методологически значимой остается формула С.Н. Махиной: «Правовое (в том числе, административное) усмотрение — та активность субъектов права, которая находится между прямыми правовыми алгоритмами, правомочиями и правообязанностями» [12, с. 8]. В условиях алгоритмизации предметом анализа становится не исчезновение усмотрения, а трансформация его носителя, способов выражения и механизмов внешнего контроля.

Концепция перехода от дискреционного акта к дискреционному коду предполагает рассматривать алгоритмическую дискрецию как юридически опосредованное перераспределение управленческой свободы, допустимое лишь при сохранении проверяемости, мотивированности и судебной оспоримости результата.

Сравнительно-правовой анализ доктринальных позиций свидетельствует, что усиление судебного контроля должно строиться не как запрет технологии, а как правовое проектирование проверяемости, оспоримости и персональной ответственности на каждом этапе принятия решения.

В.В. Архипов, В.Б. Наумов и К.М. Смирнова формулируют пределы принятия юридически значимых решений с использованием ИИ, подчеркивая, что решающим для права является изменение правового статуса субъекта вследствие автоматизации. Их разграничение парадигмальных, аксиологических и прагматических пределов позволяет суду оценивать не только формальную законность применения алгоритма, но и допустимость самой конфигурации делегирования усмотрения с точки зрения субъектности, прав человека и технологических

ограничений. Это создает основание для институционализации требования *human in the loop* (обязательное участие человека в процессе принятия и пересмотра решения) как стандарта судебной проверки, а не декларативного принципа [13, с. 883, 888, 889].

Ю.С. Харитоновна, анализируя проблему «черного ящика», переносит дискуссию в плоскость правовых средств и отказывается от идеи полной технической объяснимости, предлагая сосредоточиться на юридически значимых режимах прозрачности, критериях оценки результата, качестве данных, аудите и подотчетности. Для судебного контроля это означает, что приоритетным становится не доступ к коду как таковому, а возможность проверить релевантность данных, корректность модели контроля, наличие права на возражение и действительность пересмотра. Как отмечает автор, «Законодатель может добиваться лишь установления некоего стандарта, закрепляющего компромисс между возможностями и преимуществами технологии, точностью и объяснимостью результата ее работы и правами участников общественных отношений» [14, с. 343].

Практики внедрения ИИ в судебной сфере в Китае, США, Франции и России различаются по темпам цифровизации и по пониманию допустимости алгоритмической помощи суду, что придает компаративистике нормативное значение для отечественного права. Даже при глубокой интеграции ИИ конструктивной признается модель, при которой алгоритм усиливает аналитические и организационные функции правосудия, но не заменяет окончательное человеческое решение. Отклонение судьбы от рекомендации ИИ рассматривается не как дисциплинарное отклонение, а как основание для дополнительной мотивировки и последующего аудита самой системы [15, с. 16].

А.П. Иванова, обобщая зарубежную дискуссию о применении ИИ в правосудии, показывает, что предмет

спора выходит за пределы технологии и касается конкуренции моделей правосудия — справедливого и кодифицированного. Усиление алгоритмизации способно повлиять на ценностные основания судебной деятельности. В связи с этим объектом судебной проверки должны становиться не только ошибки, предвзятость и непрозрачность конкретного вывода, но и эффекты перевода социальных процессов в формат данных, отчуждения и снижения участия человека, поскольку они затрагивают процессуальную легитимность даже при росте эффективности и единообразия [16, с. 92, 94, 97].

Убедительная модель усиленного судебного контроля в условиях алгоритмической дискреции предполагает сочетание заимствуемых стандартов прозрачности и аудита с отечественной доктриной мотивированного человеческого решения, закрепляя за судом роль активного конституционного фильтра, проверяющего пределы допустимости алгоритма в каждом юридически значимом случае.

Вывод

Проведенный анализ свидетельствует, что алгоритмическая дискреция в публично-правовой сфере допустима только как юридически опосредованная и институционально ограниченная форма реализации компетенции, основанная на риск-ориентированной дифференциации, прозрачности, праве на человеческий пересмотр и сохранении судебной проверяемости результата. Перспективная модель судебного контроля должна представлять собой комплексный правовой, доказательственный и технологический стандарт, в рамках которого суд оценивает не только соответствие решения закону, но и допустимость делегирования усмотрения алгоритму, обеспечивая приоритет прав человека и верховенства права над цифровой инфраструктурой управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотаева О.С. Правовое регулирование систем автоматизированного принятия решений // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 9(225). — С. 215–218. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_215.
2. Атабеков А.Р. Обеспечение автономности принятия решения искусственным интеллектом для целей публичных правоотношений // Административное и муниципальное право. — 2023. — № 1. — С. 29–36. — DOI 10.7256/2454-0595.2023.1.39893.
3. Кабытов П., Назаров Н. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2025. — № 3. — С. 28–55. — DOI 10.17323/2072-8166.2025.3.28.55.
4. Алферова Е.В. Алгоритмизированное принятие решения и право на его интерпретацию // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. — 2021. — № 1. — С. 49–61. — DOI 10.31249/rgpravo/2021.01.05.
5. Саудаханов М.В. Конституционно-процессуальные гарантии в условиях алгоритмизации публичной власти: проблема «черного ящика» и механизмы его преодоления в российской правовой системе // Закон и право. — 2025. — № 12. — С. 100–104. — DOI 10.24412/2073-3313-2025-12-100-104.
6. Ханьгин К.С. Влияние алгоритмизации и искусственного интеллекта на принципы активной роли суда в административном процессе // Вестник науки. — 2025. — Т. 4, № 9(90). — С. 190–195.
7. Кулюшин Е.Н. О применении технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Российское право: образование, практика, наука. — 2024. — № 2. — С. 48–54. — DOI 10.34076/2410-2709-2024-140-2-48-54.

8. Дехтярь И.Н., Пашенько С.Б. Перспективы использования технологий искусственного интеллекта в административном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2025. — № 5 (166). — С. 135–141. — DOI 10.24412/2227-7315-2025-5-135-141.
9. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 11(99). — С. 199–208. — DOI 10.17803/2311-5998.2022.99.11.199-208.
10. Мартынов А.В. Подготовка административных актов с использованием искусственного интеллекта: проблемы, перспективы, недалекое будущее // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2024. — № 5. — С. 130–142. — DOI 10.32326/19931778_2024_5_130.
11. Серебренников Д., Ходжаева Е., Шепелева О. «Алгоритм низового уровня»: два стиля автоматизированного правоприменения в работе приложения «Социальный мониторинг» // Журнал исследований социальной политики. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 7–24. — DOI 10.17323/727-0634-2023-21-1-7-24.
12. Махина С.Н. Несколько заметок-размышлений о феномене административного усмотрения // Журнал административного судопроизводства. — 2024. — № 1. — С. 5–12.
13. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 882–906. — DOI 10.21638/spbu14.2021.405.
14. Харитонов Ю.С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. — 2023. — Т. 1, № 2. — С. 337–358. — DOI 10.21202/jdtl.2023.14.
15. Морхат П.М. Сравнительно-правовое исследование позиционирования искусственного интеллекта в судебном процессе // Юридические исследования. — 2024. — № 7. — С. 13–28. — DOI 10.25136/2409-7136.2024.7.71263.
16. Иванова А.П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 89–98. — DOI 10.31249/rgpravo/2022.03.08.

© Пиллюкова София Игоревна (sofiaigororevna@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»